

Глава 1

Волк в овечьей шкуре

Шесть лет спустя

Безумие распространяется очень быстро. К зиме девяносто третьего года у меня было жуткое чувство, будто я получил главную роль в одном из реалити-шоу, которые чуть позже станут так популярны. Мое личное шоу называлось «Богатые и никчемные», и с каждым днем богатства и никчемности в нем становилось все больше.

Я создал брокерскую фирму под названием «Стрэттон-Окмонт», которая скоро превратилась в одну из самых больших и самых безумных брокерских контор в истории Уолл-стрит. На бирже поговаривали, что у меня вырвалась наружу подсознательная жажда смерти и что я, конечно, загоню себя в гроб, не дожив и до тридцати. Но я знал, что это чушь: мне только что исполнился тридцать один год, и я был все еще жив и полон энергии.

В тот день, в ночь на среду в середине декабря, я сидел за штурвалом своего вертолета «Белл Джет», который я только что поднял с вертолетной площадки на Тридцатой улице и теперь вел его в мою усадьбу в Олд-Бруквилле на Лонг-Айленде. В моих венах бушевало такое количество наркотиков, что его хватило бы, чтобы вырубить все население страны размером примерно с Гватемалу.

Было около трех часов утра, и мы летели на скорости сто двадцать узлов над западной оконечностью залива Литтл-Нек-бэй. Помню, я как раз размышлял о том, как все-таки здорово, что у меня получается лететь по прямой несмотря на то, что в глазах у меня двоится, и вдруг я осознал, что совершенно «поплыл». В следующую секунду вертолет резко пошел вниз, и навстречу нам с устрашающей скоростью понеслись свинцовые воды залива. Несущий винт вертолета жутко вибрировал, а в моих наушниках зазвучал панический крик второго пилота:

– Господи, босс! Вытягивай вверх! Наверх! Мы же разобьемся, мать твою!

Потом мы снова выровнялись.

Мой преданный и верный второй пилот, капитан Марк Эллиот, одетый во все белое, сидел перед собственным штурвалом, однако имел строгий приказ прикасаться к нему только в том случае, если я потеряю сознание или если возникнет непосредственная опасность того, что мы врежемся в землю. Теперь он взял в свои руки управление вертолетом, и это, наверное, было лучшее, что можно было сделать в тот момент.

Капитан Марк был типичным военным пилотом – с квадратной челюстью, из тех мужиков, один вид которых внушает доверие. Квадратным был не только подбородок: казалось, что все его тело состояло из приваренных один к другому квадратов. Даже его черные усы имели форму четкого прямоугольника и были укреплены на поджатой верхней губе, словно аккуратная щетка, изготовленная промышленным способом.

Мы взлетели с Манхэттена минут за десять до этого, после бесконечного вечера вторника, во время которого события совершенно вырвались из-под моего контроля. Вечер начался вполне невинно, хотя дело происходило в модном ресторане «Канастель» на Парк-авеню, где я ужинал со своими молодыми брокерами. Но каким-то образом я в конце концов оказался в президентском люксе отеля «Хелмсли-Пэлас», где невероятно дорогая шлюха по имени Венеция с губами такими пухлыми, будто ее укусила пчела, и липкими чреслами пыталась с помощью свечки, засунутой мне в зад, помочь мне достичь эрекции, однако у нее так ничего и не получилось.

Вот почему я теперь так сильно опаздывал (точнее – опаздывал на пять с половиной часов)

и в очередной раз был полным дерьмом в глазах моей преданной и любящей второй жены Надин. Она была настоящая праведница и при этом – мастерица драться. Меня она избивала неоднократно.

Может быть, вы как-нибудь видели Надин по телевизору: это та самая сексуальная блондинка, что гуляла по парку с фрисби и собачкой в рекламе пива «Миллер лайт», которую крутили во время «Футбола по понедельникам». Она в этом ролике почти ничего не говорит, но это никого не волновало. Всю работу за нее делали ее ноги, ну и еще ее попа – даже более круглая, чем бывает у пуэртиканок, и такая упругая, что от нее прямо монетки отскакивали. Как бы то ни было, мне вскоре предстояло испытать на себе праведный гнев Надин.

Я сделал глубокий вдох и постарался прийти в себя. Теперь я чувствовал себя вполне прилично. Я сказал в переговорное устройство, что готов снова взять на себя управление вертолетом. Мой капитан Губка Боб Квадратные Штаны был в этом не совсем уверен и выглядел слегка взволнованным, поэтому я улыбнулся ему своей лучшей улыбкой и сказал в микрофон несколько подбадривающих слов:

– Чуак, ы поуишь адбау за ужу в осоо оасых уовиах! – разумеется, я имел в виду: «Чувак, ты получишь надбавку за службу в особо опасных условиях».

– Круто! – ответил капитан Марк, передавая мне управление. – Не забудь мне напомнить, когда придет время ее получать. Если, конечно, нам сегодня удастся приземлиться.

Он безнадежно покачал своей квадратной головой и добавил:

– Ты бы лучше закрыл левый глаз перед посадкой. Тогда двоиться не будет.

Этот квадратный капитан был очень толковым парнем и хорошим профессионалом – и, кстати, он тоже не дурак повеселиться. Поэтому он не только был единственным лицензированным пилотом в кабине вертолета, но еще и капитаном 167-футовой моторной яхты «Надин», названной в честь моей вышеупомянутой жены.

Я радостно поднял вверх оба больших пальца, чтобы показать капитану, что я готов к посадке. Потом осмотрелся и попытался понять, где я, собственно, нахожусь. Прямо перед собой я видел полосатые красно-белые трубы Рослина – пригорода, населенного богатыми евреями. Эти трубы означали, что я приближаюсь к центру Золотого берега острова Лонг-Айленд, где, собственно, и находится мой Олд-Бруквилл. На Золотом берегу неплохо жить – особенно если вам нравятся белые англосаксонские протестантские девушки из старинных благородных семей и скаковые лошади, которые стоят немереных денег. Я лично не уважаю ни тех ни других, но каким-то образом оказался владельцем табуна лошадей, приобретенных за безумные деньги, и постоянно пребывал в окружении целого табуна белых англосаксонских протестанток с голубой кровью, которые, очевидно, считали меня чем-то вроде молодого еврейского циркача.

Я взглянул на альтиметр. Вертолет находился на высоте триста футов и стремительно мчался вниз под углом градусов в тридцать. Я покрутил шеей, словно профессиональный боец, выходящий на ринг, и начал спускаться еще круче, пронесся над полем Бруквильского гольф-клуба, резко подал штурвал вправо, чуть не задел пышные кроны деревьев на Хеджманс-лэйн и, наконец, нацелился прямо на лужайку позади моего особняка.

Изо всех сил нажимая на педали, я сумел добиться того, чтобы вертолет завис на высоте примерно двадцать футов над землей, а затем попытался совершить посадку. Чуть-чуть левую педаль, чуть-чуть правую, чуть меньше тяги, чуть-чуть штурвал от себя... и тут вертолет вдруг с шумом свалился на лужайку, подскочил и снова взлетел.

– О чет! – промычал я, видя, что мы стремительно набираем высоту, запаниковал, навалился на штурвал, и вертолет тут же снова полетел вниз, как булыжник в воду. А затем вдруг БАХ! – и мы приземлились.

Я снова покрутил шеей. *Вот это было круто!* Пусть эту посадку нельзя было назвать *идеальной*, ну и что с того? Я повернулся к своему дорогому капитану и отчетливо произнес:

– Чуак, я молодес, молодес я, чуак?

Капитан Марк склонил голову, его прямоугольные брови поднялись на самый верх квадратного лба, как будто он собирался сказать: «Ты что, идиот, совсем свихнулся?» Но затем он медленно кивнул и изобразил на лице кривую улыбку:

– Молодец, чувак. Должен это признать. Ты ведь не забыл закрыть левый глаз?

Я закивал.

– Эсо посто колдоство, – бормотал я, – ты крусой!

– Хорошо. Я рад, что ты так думаешь, – хмыкнул капитан. – Ну, мне в любом случае надо уматывать отсюда, пока нас не поймали. Хочешь, я позвоню охране, чтобы они тебя проводили до дома?

– Нет, все в порядке, чуак, все в порядке.

После этого я отстегнул ремень безопасности, в шутку отдал честь капитану Марку, открыл дверь кабины и нечаянно вывалился наружу. Потом я встал, повернулся, закрыл дверь кабины и два раза постучал по ней, чтобы показать капитану, что я не забыл ее закрыть, и почувствовал от всего этого огромное удовлетворение – насколько человек в моем состоянии вообще может что-нибудь чувствовать. Потом я снова развернулся и побрел к дому, прямо в центр тайфуна «Надин».

Вокруг все было великолепно. Небо было покрыто бесчисленными яркими звездами. Было необычно тепло для декабря. Дул легкий ветерок, и воздух был полон земляного, лесного запаха, напоминавшего мне о детстве. Я вспомнил ночи в летнем лагере. Вспомнил своего старшего брата Роберта, который недавно перестал со мной общаться, потому что его жена пригрозила подать на одного из моих приятелей в суд за сексуальные домогательства, а я после этого пригласил Роберта в ресторан, нажрался до соплей и назвал его жену «задницей». Но все равно вспоминать о Роберте было приятно: это были воспоминания о куда как более простом периоде моей жизни.

До главного здания моего поместья оставалось около двухсот ярдов. Я глубоко вдохнул, наслаждаясь окружающими ароматами. *Как здесь прекрасно пахло!* Здесь всюду была высажена бермудская трава! А как сильно пахли сосны! А сколько вокруг раздавалось нежных звуков! Бесконечный треск цикад! Таинственное уханье совы! Как журчит вода, вытекающая из пруда и падающая вниз искусственным водопадом!

Я купил это поместье у председателя Нью-Йоркской фондовой биржи Дика Грассо и затем вложил несколько миллионов в различные усовершенствования – и большинство этих денег утекло в этот дурацкий пруд и искусственный водопад, а остальное было потрачено на ультрасовременное помещение для охраны и систему безопасности. В домике охраны двадцать четыре часа в сутки дежурили двое вооруженных телохранителей, и обоих звали Рокко. Там были установлены ряды телевизионных мониторов, на которые передавалось изображение с двадцати двух камер видеонаблюдения, расположенных по периметру поместья. Каждая камера была соединена с датчиком движения и прожектором, так что кольцо безопасности получалось совершенно непроницаемым.

Размышляя об этом, я вдруг ощутил сильнейший порыв ветра и обернулся, чтобы посмотреть, как вертолет улетает в темноту. Затем сделал несколько маленьких шажков назад, потом маленькие шажки сменились большими шагами, а потом... *О черт! Что делать! Я сейчас свалюсь в грязь!* Я развернулся и сделал два огромных шага вперед, вытянув руки, словно большие крылья. Я несколько раз споткнулся, словно потерявший равновесие конькобежец, пытающийся найти центр тяжести. А затем вдруг... ослепительная вспышка света!

– *Какого черта!* – я закрыл руками глаза, защищаясь от резкого света прожекторов. Похоже, я наступил на один из датчиков движения и теперь попался в лапы своей собственной системы безопасности. Свет был совершенно невыносимым: ведь у меня из-за наркоты зрачки были размером чуть ли не с блюдце.

И, наконец, последнее унижение: мои элегантные модные туфли из крокодиловой кожи заскользили, я опрокинулся навзничь и грохнулся на спину. Через несколько секунд прожектор погас, я медленно отвел руки от глаз и прижал ладони к мягкой траве.

– *Какое прекрасное место я выбрал для того, чтобы приземлиться!* – что-что, а падать я умел, знал, как это сделать наименее болезненным способом. Секрет заключался в том, чтобы просто отдаться падению, как делают голливудские каскадеры. Мало того, мои любимые колеса – транквилизатор под названием «кваалюд» – удивительным образом делали мое тело словно резиновым, и это защищало меня от каких-либо травм.

Я отогнал неправильную мысль о том, что, собственно, именно из-за кваалюда я и упал. В конце концов, эти таблетки обладали огромным количеством преимуществ, и, похоже, мне даже очень повезло, что я подсел именно на них. Подумайте, многие ли наркотики растаскивают с такой силой – и при этом безо всякого отходняка на утро? А человек в моем положении – то есть обремененный огромной ответственностью – не может себе позволить отходняка, это исключено!

Что касается жены... ну, полагаю, она сейчас вполне имеет право на небольшой семейный скандал, но, с другой стороны, какие у нее основания сердиться? Ведь когда она выходила за меня замуж, она же понимала, во что ввязывается, правда? Черт возьми, она же до этого была моей любовницей! Это уже говорит о многом, не так ли? И что уж я такого особенного сегодня натворил? Ничего ужасного... по крайней мере, ничего такого, что она сможет доказать.

Вот такие мысли снова и снова крутились в моем вывернутом наизнанку мозгу – я пытался мыслить логично, оправдывался, затем сомневался, а затем опять представлял все логичным до тех пор, пока мне не удалось наконец возбудить в себе благородное негодование. Да, думал я, некоторые вещи, происходящие между богатыми людьми и их женами, не изменились с каменного века или, по крайней мере, со времен Вандербильтов и Асторов. Конечно, люди, облеченные властью, должны иметь право на... на некоторые вольности, которые вправе позволить себе... в общем, эти люди, то есть я... должны иметь полное право! Конечно, я бы не стал говорить это прямо в лицо Надин – она ведь весьма склонна к физическому насилию и к тому же крупнее меня или по крайней мере таких же размеров, как и я (еще одна причина для недовольства).

Тут я услышал жужжание мотора электрического гольфмобиля. Это, наверное, едет Ночной Рокко, а может быть, и Дневной Рокко, не помню, когда там у них меняется смена. Как бы то ни было, один из Рокко ехал, чтобы доставить меня домой. Удивительно, как все всегда хорошо устраивается. Когда я падаю, то всегда находится кто-нибудь, кто меня подбирает, когда меня ловят за рулем в нетрезвом виде, то всегда находится продажный судья или полицейский, с которым можно договориться, а если я отрубался за ужином и мог бы утонуть в тарелке с супом, то моя жена (а в ее отсутствие какая-нибудь добросердечная шлюха) приходила на помощь и делала мне искусственное дыхание рот в рот.

Наверное, я *неуязвимый* – или что-то в этом роде. Сколько раз я играл со смертью? Невозможно посчитать. Может, я правда хотел умереть? Неужели чувство вины и угрызения совести так грызли меня изнутри, что я действительно пытался убить себя? Да это же просто уму непостижимо! Я был на грани смерти тысячу раз, но не получил ни царапины. Я водил машину в стельку пьяным, управлял вертолетом под кайфом, ходил по карнизу небоскреба, нырял с аквалангом, проигрывал миллионы долларов в казино по всему миру и по-прежнему

выглядел моложе двадцати одного года.

У меня было много прозвищ: Гордон Геккон, Дон Корлеоне, Кайзер Соза, меня даже называли Королем. Но моим любимым прозвищем был Волк с Уолл-стрит, потому что я и вправду был таким – настоящим волком в овечьей шкуре: я выглядел как ребенок, я вел себя как ребенок, но я не был ребенком. Мне был тридцать один год (а по сути дела все шестьдесят), я жил собачьей жизнью, и поэтому у меня один год шел за семь. Но я был богат и могуществен, у меня была великолепная жена и четырехмесячная дочка – само совершенство.

Но, как говорится, все хорошо, пока все правильно. Каким-то образом (я не знал еще точно, каким) я доберусь до шелкового стеганого одеяла за 12 тысяч долларов и усну в королевской спальне, задрапированной таким количеством белого китайского шелка, которого хватило бы на целый эскадрон парашютистов. А моя жена... Ну, она меня простит. Рано или поздно, но она всегда меня прощает.

С этой мыслью я отрубился.

Глава 2

Герцогиня Бэй-Риджская

13 декабря 1993

На следующее утро – или, точнее, через несколько часов – мне приснился потрясающий сон. Такой сон надеется и жаждет увидеть любой молодой мужчина, и я решил досмотреть его до конца. Я был один в постели, и ко мне пришла в гости шлюха Венеция. Она встала на колени на краю моей великолепной огромной кровати и застыла, а я не мог дотянуться до этого прекрасного маленького видения. Я отчетливо видел ее... соблазнительная грива каштановых волос... тонкие черты лица... налитые буфера, невероятные чресла, скользкие от жадности и желания.

– Венеция, – пролепетал я, – иди сюда, Венеция. Иди ко мне, Венеция!

Венеция поползла ко мне на коленях. У нее была светлая кожа, сиявшая на фоне шелка... шелк... шелк был повсюду. Сверху свисал огромный балдахин из белого китайского шелка. Занавеси из белого китайского шелка спускались со всех четырех углов кровати. Как много китайского шелка... Я тону в этом белом китайском шелке. Тут в моем мозгу защелкали цифры: такой шелк стоит 250 долларов за ярд, а здесь, наверное, ярдов двести. Значит, тут белого китайского шелка на 50 тысяч долларов. Неплохо для белого шелка, блин.

Но это же сделала моя жена, мой милый Подающий Надежды Декоратор – нет, постой-ка, надежду стать декоратором она подавала в прошлом месяце. Теперь она, кажется, Подающий Надежды Повар? Или Подающий Надежды Ландшафтный Дизайнер? Или знаток вин? Или дизайнер одежды? Кто может уследить за всеми ее чертовыми увлечениями?! Это так утомительно... так утомительно быть женатым на будущей Марте Стюарт.

Как раз в этот момент я вдруг почувствовал, что на меня упала капля воды. Я посмотрел вверх. Что за черт? Грозовые облака? Как в мою королевскую спальню могли пробраться грозовые облака? Где моя жена? *О черт! Моя жена! Моя жена! Ураган «Надин»!*

ПЛЮХ!

Я мигом вынырнул из сна и увидел перед собой злое, но все равно восхитительное лицо моей второй жены Надин. В правой руке она держала пустой трехсотграммовый стакан, а левая была сжата в кулак, украшенный бриллиантом в семь каратов канареечного цвета и в платиновой оправе. Она стояла меньше чем в пяти футах от меня и покачивалась на пятках, как профессиональный борец. Я быстро сказал себе: следи за кольцом.

– Какого черта ты это сделала? – заорал я, стараясь обрести уверенность. Затем начал вытирать мокрые глаза тыльной стороной ладони, украдкой следя из-под пальцев за действиями противника. *Ох, какая же у нее попа!* Даже сейчас я не мог не отдать ей должное. К тому же на